

ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ГЕРМАНИИ (1945—2005)

С. Г. Катаева

В статье рассматриваются актуальные проблемы становления немецкого политического языка, взаимосвязи языка и общества, языка и политики на примере политической коммуникации в Германии (1945—2005), где данному направлению прикладной лингвистики в силу ряда объективных исторических причин придается особое значение и где оно наиболее полно исследовано. Роль языка на переломе исторических эпох, в эпоху европейской интеграции и всеобщей глобализации, возрастающей роли СМИ и вместе с этим языковой манипуляции и манипуляции общественным сознанием — все это явилось предметом пристального внимания немецких лингвистов и политологов и привело к созданию в Германии общества «Язык в политике» (1991), итогом исследований которого стало выделение в 1996 году в специальную научную дисциплину политолингвистики (языка политической коммуникации), являющейся частью прикладной лингвистики.

Исследование языка и речи в политике является относительно молодой областью лингвистики, хотя риторика как старейшая дисциплина, которая занимается политической коммуникацией, относится к предшественницам лингвистической прагматики, к одному из основных направлений современного языкознания. Начало интенсивным исследованиям политического языка было положено в середине 20-го века в Германии, о чем Й. Кляйн пишет следующим образом: «В отличие от большинства других направлений языкознания, в которых новые научные тенденции исходили от англосаксов и в особенности от американцев, лингвистическое исследование политической коммуникации, недавно названной А. Буркхардтом политолингвистикой, начиная с 50 годов интенсивно разрабатывается в первую очередь в немецкоязычных странах [1, с. 186]. Пристальный интерес немцев к данной тематике английский германист Гоод объясняет существованием «особой повышенной чувствительности» немецкой общественности к проблемам политического употребления языка, обусловленной особенностями исторического развития Германии: ролью немецкого языка в «создании национальной идентичности немцев», объединенных в единое государство только в конце 19 века и фактом применения немецкого языка на службе двух тоталитарных режимов в Германии в 20 веке. Он пишет: «Кто пытается использовать немецкий язык для передачи политического содержания, тот находится между Сциллой и Харибдой [...]: справа он попадает к Сцилле — языку Третьего Рей-

ха — слева к Харибде — к немецкому языку [...] коммунистического режима ГДР» [2, с. 50].

Исследования в области политического языка изначально не представляли собой единой картины, трудности их системного описания объяснялись тем, что «политика не является завершенной и навсегда определенной величиной и, что, прежде всего, нет единой языковой специфики, типичной только для политики» [3, с. 8].

Актуальность данных исследований резко возрастает с 1945 года, так как основные изменения в немецком языке происходят в сфере политической коммуникации. Научное исследование языка политики, по мнению многих немецких лингвистов¹ начинается с исследований «языка национал-социализма» («NS-Sprache»), интерес к которому проявился в первые годы после окончания Второй Мировой войны, и, начиная с 50-х годов, с исследований «языка в разделенной Германии» («Sprache im geteilten Deutschland»). Именно эти две темы явились, по определению Буркхардта «историческим исходным пунктом для возникновения германской лингвистики политического языка» [4, с. 76] и определили исследовательскую область политического языка в Германии во второй половине 20-го века. Вальтер Дикман, классик исследования языка в политике, называет в своей хрестоматийной книге «Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache» (1969/1975) «язык национал-социализма» и «язык в разделенной Германии» «основными специальными предметами исследо-

¹ См. W. Dieckmann (1975), A. Burkhardt (1996), J. Klein (1998).

вания, которые вызвали интерес к политическому языку в Германии» [3, с. 133]. К другим направлениям данных исследований он относит и «язык пропаганды», отмечая при этом, что он «исследуется преимущественно на примере языка Третьего Рейха и политического языка ГДР» [3, с. 24].

Таким образом, эти две области исследования «языка национал-социализма» и «языковых дивергенций в политическом словаре обоих немецких государств» образуют исходный пункт возникновения немецкой лингвистики политического языка и становятся на протяжении длительного времени, нескольких последующих десятилетий, «долгоиграющими темами исследования» политолингвистики, темами, к которым проявляется незатухающий лингвистический интерес. В начале 90-х годов к ним добавляется третья область исследования: «Язык объединения Германии» («*Sprache der Wende*»).

Несмотря на интенсивные и разносторонние исследования немецкого политического языка на протяжении нескольких десятилетий до сих пор не выработаны единые критерии периодизации истории современного немецкого (политического) языка, нет единства в подходах к выделению хронологически важных событий, необходимых для подобных исследований. Как отмечает Г. Штётцель, касаясь истории языкового употребления в общественно-политической сфере, «еще не существует всеобъемлющей истории немецкого языка современности» [5, с. 4].

Исходя из того, что, начиная с 1945 года, «часа ноль» («*Stunde Null*»), основные языковые изменения происходят в сфере политической коммуникации [6, с. 10], описание новых тенденций в развитии современного немецкого языка большей частью совпадают с тенденциями развития немецкого политического языка и обязательно включает в себя общественно-политическое развитие Германии данного периода времени. При этом спорным оказалась сама точка отсчета, фиксация начала «современности» немецкого языка. Хенне / Дроздовски различают «языковую современность», которая берет начало в 1945 году и приводит к «непосредственной современности» второй середины 70-х годов [7, с. 620]. Фон Поленц предлагает, исходя из возрастающей роли средств массовой информации, считать точкой отсчета для определения временных границ «современного немецкого языка» 1960 год [8, с. 58]. Заслуживает внимания точка зрения Г.-В. Эрмса, которую он высказывает в статье «*Von der Stunde Null bis nach der Wende: Zur*

Entwicklung der politischen Sprache in der Bundesrepublik Deutschland». Он анализирует «официальные сообщения, призывы, правительственные заявления, партийные декларации и программы» с точки зрения центральных партийных ключевых слов и их аргументации [6, с. 17] и приходит к выводу о том, что немецкий общественно-политический язык «как функциональный слой языка, существует надрегионально и как таковой необходим для артикуляции политических интересов граждан определенного коммуникативного сообщества» [6, с. 10].

Во всех выше названных работах речь идет в основном о различных подходах и перспективах анализа современного немецкого языка и не затрагиваются проблемы его хронологической периодизации.

В. Бергсдорф предлагает свою, ставшую популярной, периодизацию современного развития немецкого языка с политической точки зрения, которую он изложил в 1983 году в своей программной монографии «Господство и язык» («*Herrschaft und Sprache. Studie zur politischen Terminologie der Bundesrepublik Deutschland*»). Исходя из развития партийной терминологии, Бергсдорф предлагает хронологическую классификацию политического языка, в которой, например, фазе «антифашистской терминологии», характерной для всех партий послевоенного периода, содержащей такие ключевые слова, как *Antifaschismus*, *Demokratie*, соответствует время, начиная с 1945 года; «терминологией интеграции» Бергсдорф называет эру Аденауэра с 1949 по 1963 год с ее широко известными ключевыми словами «*общего согласия*»; за ней следует «терминология разрядки» со времен Эрхарда до начала правления леволиберальной коалиции в 1969 году; время правления правительства во главе с Брандтом он характеризует как «терминологию движения»; период правления кабинета, возглавляемого Шмидтом, он видит как «терминологию отрезвления» [9].

Серьезную попытку периодизации современной истории немецкого языка в тесной взаимосвязи с новейшей историей Германии предпринимает Х. Штегер (1989) в статье «Язык в развитии» («*Sprache im Wandel*»). Он выделяет на фоне развернутой истории ФРГ, начиная с 1945 года, пять периодов, в которых особое внимание уделяет политическому словарю, словарю общественных институтов и специальным языкам. Внутри каждого периода Штегер выделяет в свою очередь важнейшие области общественно-политической

жизни, которые четко демонстрируют роль языка в современной истории.

Закат нацистского идеологического языка, наступивший с концом национал-социализма в 1945 году, Штегер называет «эпохальным годом», а внутри этого послевоенного периода вплоть до 1950 года выделяет вокабуляр «денацификации» (*Entnazifizierung*), «черного рынка» (*Schwarzmarkt*), «развалин» (*Trümmerfrauen, Trümmerliteratur*), возникновение «новой» немецкой литературы, обновление литературного языка, начало языковой дискуссии, положенной дискуссионным объединением писателей «группой 47», поднимавшей острые вопросы политической и общественной морали и представлявшей собой своего рода оппозицию государству и обществу. Одновременно с этим он отмечает начало влияния английского на немецкий язык.

Следующая фаза (1950—1960/65), по мнению Штегера, имеет более четкие контуры, и называется «эпохой немецкого экономического чуда и языкового равновесия» (*Wirtschaftswunder und Sprachausgleich*). Это период нарастающей критики «общества всеобщего благоденствия» (*Wohlstandsgesellschaft, Wirtschaftswundermentalität*), бурных дебатов в начале 50х годов о «ремилитаризации» (*Wiederbewaffnungsdebatte*) и нарастании напряженности между Восточной и Западной Германией (*Ost-West-Spannung*). В языковом отношении это проявляется в демократическом обновлении языка (политическая реклама, новые СМИ), в различных отклонениях от принятых языковых норм.

Третьему периоду истории языка послевоенного времени с 1965 до 1974 года Штегер дает название «от плюрализма к расколу», обусловленного рационалистическими течениями того времени (в сфере социальных наук, психоанализа, структурализма), которые привели к критическим настроениям в обществе и последующим его конфликтам: выступлениям студентов, антивоенному и экологическому движениям (*Studenten-, Friedens- und Umweltbewegung*), «волне феминизма» («*Feminismuswelle*»), созданию внепарламентской оппозиции (*АРО*), появлению террористической организации «Фракция Красной Армии» (*RAF*). В соответствии с этим отмечается возрастающая активизация отдельных субъязыков различных социальных групп (язык студенческого, экологического и др. движений), специальных языков (в основном экономического вокабуляр американского происхождения (*Marketing, Management*)), влияние СМИ на язык.

Время с 1975 по 1981 год Штегер характеризует как период «социальной романтики в десятилетие реальной политики» на фоне «иррационального, общего пацифистского климата» [10, с. 37]. Это период дальнейшего развития экологического движения и появления нового значения слова «зеленый» и соответственно партии зеленых (*die Grünen*), энергетических кризисов, «эйфории реформ». Последний период 1982—1988 Штегер определяет как период дальнейшего развития и противопоставления субъязыков социальных групп (молодежный язык, язык альтернативных групп, женских объединений) стандартному немецкому языку и указывает на соответствующий вокабуляр, пришедший со сменой правительства и внутри- и внешнеполитического курса ФРГ в 1982 году: «риторика перемен» (*Wenderhetorik*), предшествующие ей внутривнутриполитические противоречия и дебаты о «довооружении» (*Nachrüstungsdebatte*), так называемый «словарь дискриминации», затрагивающий проблемы иностранцев, (*Ausländer- und Asylantenflut*), новая политика экономии (*Sparpaket*) и вместе с ней социальный демонтаж (*Sozialabbau*).

Штегеровская хронологическая периодизация истории современного немецкого языка положила начало новому направлению в его исследовании: «Штегер первый — и пока единственный — предложил общую концепцию исследования истории языка, ориентированную на новейшую историю с послевоенных лет до наших дней» [5, с. 8]. Высоко оценивая новую научную концепцию Штегера, Штётцель тем не менее выражает сомнение, что она может стать универсальной основой для более широкого исследования истории языка новейшего периода [5, с. 9].

Все предпринятые попытки хронологического описания становления немецкого политического языка представляют собой чаще всего анализ ключевых слов различных эпох в развитии, как бы «со стороны», и, как отмечает Г. Штётцель, ссылки на язык и основные понятия являются как бы вторичными [5, с. 6]. Особенно ярко это проявилось в острой политической полемике о «господстве через язык», начатой в 1973 году Куртом Биденкопфом, генеральным секретарем ХДС, с его известного тезиса о «захвате понятий» («*Besetzung der Begriffe*») как новой стратегии политической коммуникации. По его мнению, «захватив», «оккупировав понятия», как это сделала СДПГ, можно прийти к «революции нового типа», «революции общества через язык» [11, с. 191]. Данный тезис Биденкопфа был переведен в плоскость лингвистики и дал но-

вое направление целому ряду прагматически ориентированных исследований, рассматривающих политику как языковую борьбу в русле: «язык и господство», «сила слова», «господство через язык», «борьба понятий», «семантическая борьба» и т.д.² Совершенно новый подход к написанию истории современного немецкого языка излагается в 4 томе Г. Штётцеля и М. Венгелера научной серии «Sprache. Politik. Öffentlichkeit», вышедшем в 1995 году (Stötzel / Wengeler (Hrsg.) «Kontroverse Begriffe. Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland»). В отличие от предшествующих изложений истории современного немецкого языка данная концепция, разработанная в Дюссельдорфе, ориентирована прежде всего на общественно обусловленное употребление языка, а не на внутреннюю языковую систему. Штётцель подчеркивает значимость политического языка для новейшей немецкой истории, необходимость изложения исторических процессов во взаимодействии с языковыми и описания языковых процессов в русле исторических [5, с. 3]. Проследить политические конфликты в обществе можно, по мнению Штётцеля, исходя из современного развития языка, который документирует общественное воздействие его употребления [5, с. 2]. В соответствии с этой концепцией он предлагает исследовать политический язык с лингвистической точки зрения, выделив большие общественно-значимые тематические области современной немецкой истории, начиная с 1945 года, в разных «полях политики» («Felder der Politik»). Это поля наиболее острых общественно-значимых проблем новейшей истории ФРГ в 18 различных тематических областях, составленных в порядке их актуальности, начиная с 1945 года [5, с. 9—13]. Рассмотрение современной истории немецкого языка в соответствии с основными, актуальными событиями истории Германии новейшего периода, выделенными в проблемные и тематические поля, дополняется исследованием языка как истории общественного дискурса [5, с. 14—17]. Данная книга является

² Исследованию политической семантики понятий в 70—80 гг. посвящены, например, следующие работы: Biedenkopf «Politik und Sprache» (1982); Bergsdorf «Wörter als Waffen» (1979), «Herrschaft und Sprache» (1983); Dieckmann «Herrschaft durch Sprache durch Herrschaft über Begriffe» (1985); Klaus «Die Macht des Wortes» (1968), «Sprache der Politik» (1971); Klein «Wortschatz, Wortkampf, Wortfelder in der Politik» (1989), «Kann man Begriffe besetzen?» (1991); Liedtke / Wengeler / Böke (Hrsg.) «Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauches in der Politik» (1991); F. Kuhn «Begriffe besetzen». Anmerkungen zu einer Metapher aus der Welt der Machbarkeit» (1991) и другие.

важным справочным источником истории немецкого языка нашего времени, которая рассматривает проблемы «языка в политике» и «политики в языке», исследуя их в историческом контексте.

Другой известный исследователь немецкого политического языка, автор термина «политолингвистика», А. Буркхардт выделяет 5 периодов, «пять толчков» (fünf Schübe), в развитии лингвистическо-критического исследования языка политики, которые были мотивированы внешними событиями в Германии [12, с. 10—11]:

К первой фазе относится период после окончания войны, непосредственно связанный с недавним прошлым и сопровождающийся острой полемикой о языке национал-социализма, который и в дальнейшем снова и снова становится предметом лингвистических исследований.

Вторая фаза начинается в начале 60х годов, после возведения Берлинской стены и Карибского кризиса, когда явно обозначился интерес к политическому языку, а с ним возросло и количество публикаций, причем для германской лингвистики это были в первую очередь исследования немецкого языка в разделенной Германии, в ГДР и ФРГ.

Третья фаза приходится на конец 60х и начало 70х годов, когда в ходе студенческого движения и вызванных им процессов либерализации и изменения структуры общества ФРГ, с одной стороны, а также «прагматического поворота» в лингвистике и появления социолингвистики, с другой стороны, на первое место выходят работы, исследующие политический язык как инструмент манипуляции в общественно-политической жизни.

Четвертая фаза начинается с 1982 года и знаменует собой бурные дискуссии, посвященные атомному вооружению. Они вновь пробудили общественно-политическую активность лингвистики и породили большое количество работ об употреблении языка в военной политике и политике вооружения. Это период самоопределения «политического языка» в лингвистической дискуссии и первичной апробации его научного инструментария под влиянием новых прагмалингвистических концепций.³

Пятая фаза, начиная с 1989 года, полностью посвящена одной актуальной и значительной теме: лингвистическому (и политологическому) исследованию политического языка государствен-

³ В этом плане показательна работа Jung «Öffentlichkeit und Sprachwandel. Zur Geschichte des Diskurses über die Atomenergie». (1994).

ного объединения Германии. Одновременно с этим исследуется языковая сторона «разделенного прошлого»⁴.

Все выше приведенные подходы к истории немецкого языка современности показывают, что не существует как четко очерченных хронологических рамок современного немецкого политического языка, так и единого подхода к выделению этапов его развития. Комментируя данную ситуацию, Штётцель замечает, что все существующие подходы, по крайней мере, едины в большей или меньшей степени в фиксации начала «современности» — 8 мая 1945, которое принимается как «важнейшая точка отсчета», и конца послевоенного времени, датируемого 1989/1990 годом, и предсказывает относительно последнего непредвиденные языковые последствия [5, с. 4—5]

В научно-организационном отношении более четкие контуры политолингвистики обозначились, как отмечает Кляйн, только в недавнем прошлом; предшествующие этому публикации в этой области десятилетиями возникали в большинстве своем из политического интереса, лингвистические исследования имели другие акценты или носили дидактический характер [1, с. 189]. **Ранние исследования** политического языка в значительной степени были мозаичны, не были скоординированы, научная деятельность исследователей не согласованна и часто, по образному определению Буркхардта, представляла собой разрозненные исследования лингвистических и политологических «борцов-одиночек» (*Einzelkämpfer*) [4, с. 84].

Важнейшим вкладом в исследование политического языка стало основание объединения «Язык в политике», возникшего в ФРГ в середине 80х годов в ходе дискуссии о так называемом «довооружении» («*Nachrüstungs*»-Diskussion) и благодаря политической активности германистов. Начальная концентрация на анализе военно-политического употребления языка⁵ постепенно уступает место исследованию общих политических тем,

⁴ К этому периоду относятся работы Burkhardt / Fritsche (Hrsg.) «*Sprache im Umbruch. Politischer Sprachwandel im Zeichen von «Wende» und «Vereinigung»*» (1992); Fix «*Ritualität in der Kommunikation der DDR*» (1994); Schlosser «*Die deutsche Sprache in der DDR zwischen Stalinismus und Demokratie. Historische, politische und kommunikative Bedingungen*» (1990), «*Kommunikationsbedingungen und Alltagssprache in der ehemaligen DDR*» (1991) и др.

⁵ Ср.: Pasierbsky «*Krieg und Frieden in der Sprache*» (1983); Burkhardt «*Vom sprachlichen Umgang mit der Waffe oder: Wie man hierzulande über Rüstung spricht*» (1985); Burkhardt / Habel / Hoberg (Hrsg.) «*Sprache zwischen Militär und Frieden: Aufrüstung der Begriffe?*» (1989) и др.

таких как «парламентская коммуникация», «семантическая борьба», «политический язык в средствах массовой информации» [4, с. 76]. Постепенно новое направление прикладной лингвистики, возникшее в результате междисциплинарного сотрудничества политологов и лингвистов (и давшее ему название политолингвистики), обретает свои четкие контуры и становится программой действий под лозунгом «политолингвистика вместо лингвополитики» [4, с. 85].

Данная концепция была положена в основу деятельности объединения «Язык в политике» («*Sprache in der Politik*»), существующего с 1991 года как зарегистрированный союз, основной целью которого является исследование языка в политике и содействие политико-языковым дискуссиям в обществе. К его основным целям относится наряду с исследованием структуры и функций политического языка в исторической и современной перспективе, критический анализ тенденций развития языка в политике, оказание языковой помощи тем, кто по разным теоретическим или практическим причинам проявляет интерес к языку политики.

Конкретные задачи своей работы данный союз видит в координации всех исследовательских проектов, относящихся к данной дисциплине прикладной лингвистики, научный обмен, проведение тематических научных конференций. Само название тем проводимых конференций свидетельствует об их актуальности и соотнесение с важнейшими и актуальными политическими процессам в общественной жизни ФРГ:

1987 Darmstadt: «*Sprache zwischen Militär und Frieden: Aufrüstung der Begriffe*»;

1989 Düsseldorf: «*Besetzen von Begriffen*»;

1992 Berlin: «*Sprache im Konflikt*»;

1994 Koblenz: «*Sprache — Streit — Politische Kultur*»;

1996 Chemnitz: «*Sprache in blühenden Landschaften. Sprachkommunikation in den neuen Bundesländern: Voraussetzungen, Entwicklungen, Probleme*»;

1998 Magdeburg: «*Sprache des deutschen Parlamentarismus*»;

2000 Berlin: «*Sprache und Glaubwürdigkeit. Linguistik der politischen Affären*»;

2002 Aachen: «*Multikulti light? Einwanderung und Fremdheit im öffentlichen Diskurs*»;

2005 Magdeburg «*Globalisierung: Medien, Sprache, Politik*»;

2006 Greifswald: «*Diskursmauern — Akute Aspekte der sprachlichen Verhältnisse zwischen Ost- und Westdeutschland*».

Постоянно возрастающий интерес лингвистов и политологов к всестороннему анализу политического языка, развертывающегося на широком фоне новейшей истории, привел наряду с учреждением объединения «Язык в политике» к появлению научной серии «**Sprache. Politik. Öffentlichkeit**», в которой нашли отражение результаты исследований политолингвистов, доклады конференций.

Этим самым было положено начало систематическим политолингвистическим публикациям, которые стали форумом для обсуждения научных исследований общественно-политического языка и которые насчитывают несколько томов, вышедших в издательстве «**de Gruyter**»⁶, а также в издательстве «**Westdeutscher Verlag**»⁷ Эти издания содержат обширные знания о политическом языке во всех его проявлениях и его развитии, о роли языка в политике и политики в языке.

Таким образом, можно заключить, что политолингвистика как часть прикладной лингвистики, занимающаяся анализом и критикой политического языка, оказывает тем самым, по образному определению Буркхардта, «общественно-политические сервисные услуги лингвистики» [13, с. 1], вторгаясь в жизнь общества и решая его актуальные практические проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Klein J. Politische Kommunikation — Sprachwissenschaftliche Perspektiven // О. Jarren / У. Sarcinelli / У. Saxer (Hrsg.). Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. Ein Handbuch mit Lexikonteil. — Opladen/Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998. — S. 186—210.

2. Good C. Szylla und Charybdis // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht 21. Jg., H. 65, 1990. — S. 49—60.

⁶ См.: «**Sprache im Umbruch**» (1992), «**Sprache im Konflikt**» (1995), «**Kontroverse Begriffe**» (1995), «**Sprachstrategien und Dialogblockaden**» (1996) и др.

⁷ См.: «**Begriffe besetzen**» (1991), «**Wörter in der Politik**» (1996) и др.

3. Dieckmann W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Mit einem Literaturbericht zur 2. Auflage. — Heidelberg: C. Winter Universitätsverlag, 1975. — 147 S.

4. Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // J. Klein / H. Diekmannshenke (Hrsg.). Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. — Berlin / New York: Walter de Gruyter, 1996. — S. 75—100.

5. Stötzel G. Einleitung. // G. Stötzel / M. Wengeler (Hrsg.). Kontroverse Begriffe. Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland. — Berlin/New York: Walter de Gruyter, 1995. — S. 1—17.

6. Eroms H.-W. Von der Stunde Null bis nach der Wende: Zur Entwicklung der politischen Sprache in der Bundesrepublik Deutschland // Forum für interdisziplinäre Forschung 2, 1989. — S. 9—18.

7. Henne H., Drosdowski G. Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache // H. P. Althaus / H. Henne / H. E. Wiegand (Hrsg.). Lexikon der Germanistischen Linguistik. 2. Aufl. — Tübingen: Niemeyer, 1980. — S. 619—632.

8. Polenz P. von. Die Sprachkrise der Jahrhundertwende und das bürgerliche Bildungsdeutsch // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht 14, 1983. — S. 3—13.

9. Bergsdorf W. Herrschaft und Sprache. Studie zur politischen Terminologie der Bundesrepublik Deutschland. — Pfullingen: Neske, 1983. — 366 S.

10. Steger H. Sprache im Wandel // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 20, Heft 63, 1989. — S. 3—31.

11. Biedenkopf K. H. Politik und Sprache // H. J. Heringer (Hrsg.). Holzfeuer im hölzernen Ofen. Aufsätze zur politischen Sprachkritik. — Tübingen: Narr, 1982. — S. 189—197.

12. Burkhardt A. Vom Schlagwort über die Tropen zum Sprechakt. Begriffe und Methoden der Analyse politischer Sprache // Der Deutschunterricht 2, 2003. — S. 10—23.

13. Burkhardt A. Politische Sprache. Grundbegriffe und Analysemethoden // Die deutsche Literatur. Herausgegeben von der Gesellschaft für Germanistik der Katsai-Universität-Osaka. — Osaka: Kansai-Universität, 2001. — S. 1—32.